

А.С. АВТОНОМОВ

Системность как свойство категорий конституционного права

Категории и понятия

В ходе исторического развития роль знания постоянно возрастает, ибо усиливается воздействие человека на окружающую действительность и все большее значение приобретает созданная человеком, но существующая и развивающаяся по объективным законам новая реальность. В настоящее время неадекватное применение знания может привести к гибели всего человечества. В связи с возрастанием роли знания повышается значимость категорий. Как отмечают И. Блауберг и Э. Юдин, "очень важен именно процесс превращения понятия в категорию, т.е. не только в средство фиксации некоторого содержания, но и в средство организации знания и познания" [Блауберг, Юдин, 1973, с. 126]. Нельзя не согласиться с К. Ясперсом, когда он пишет: "Подлинно характерным для современной науки является не какая-либо категория или какой-нибудь метод, а *универсальность* в разработке *категорий и методов*... Изучаются все формы, все предметы. Следствием этого является возможность безграничного расширения категориальной сферы, а отсюда – отсутствие законченного учения о категориях" [Ясперс, 1991, с. 104–105]. Если Аристотель стремился выделить и систематизировать только философские категории, то позже всякая наука обзавелась собственным категориальным аппаратом. Категории составляют те кирпичики, из которых строится любая современная наука. Для конституционного права, в частности, как отрасли юридической науки важным представляется соотношение норм и категорий. Ведь, как известно, первичной ячейкой любой отрасли права является норма, а для науки конституционного права такой первичной ячейкой служит категория.

Попытки уйти от исследования категорий путем изучения прежде всего языка науки (например, в рамках аналитической философии) рано или поздно заканчиваются возвращением к проблематике категориального строя человеческого знания и необходимости разобраться в сущности категорий. Следовательно, определение категорий имеет огромное значение для любой науки, поскольку именно с их помощью осуществляется процесс познания законов существования и развития конкретной действительности. Казалось бы, с определением категории уже давно все ясно: в учебниках, философских и логических словарях даются, как правило, сходные определения категории. Однако, на мой взгляд, не все так просто.

В современной отечественной социальной литературе категорию определяют через понятие. Например, Н. Кондаков пишет, что категория – это "предельно широкое понятие, в котором отображены наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира..." [Кондаков, 1971, с. 210]. Член-корреспондент РАН А. Спиркин и М. Ярошевский указывают,

Автономов Алексей Станиславович – доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором сравнительного права Института государства и права РАН.

что категории "в философии предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания" [Философский... 1983, с. 251].

Но такой подход представляется не соответствующим действительности и запутывающим существо дела. Получается, что имеется некоторое множество понятий, и часть из них мы можем выделить, назвав категориями. И здесь сразу же возникают вопросы. Во-первых, каким образом выделить из числа понятий категории? Предлагаемые критерии ("предельно широкие" или "предельно общие, фундаментальные" понятия) неточны и весьма расплывчаты, поскольку нигде не говорится, чем измерить "фундаментальность", "широту" или "общность" понятий. Выходит, что все зависит от личного вкуса исследователя. Во-вторых, зачем вообще из множества понятий выделять категории? Если дело только в названии, то вполне достаточно указать, что такие-то понятия являются "фундаментальными", "предельно широкими" или "предельно общими", не прибегая к тому, чтобы называть их категориями. Согласно известному логическому правилу, сформулированному, как считают, У. Оккамом, "сущности не следует умножать без необходимости". Введение термина "категория" наряду с термином "понятие" без четкого их разграничения усложняет и затемняет проблему, не принося никакого эвристического момента.

Дело, однако, в том, что категории не сводимы к понятиям. Действительно, между категориями и понятием есть общее: и то и другое орудия познания, но функции у них различны. Понятие фиксирует наиболее существенные отличительные признаки объекта (как общие, так и специфические). Иными словами, это описание некоторого содержания, раскрывающего не только внешние особенности объекта, но и внутренние закономерности его существования.

Категория нацелена главным образом на организацию процесса познания, выделение одного из узловых моментов этого процесса. Поэтому в категории раскрытие содержания объекта – не самоцель, оно подчинено решению задачи выявления и исследования законов существования конкретной действительности или обширной области этой действительности и, значит, с необходимостью требует определения места и роли данного объекта среди явлений и отношений этой конкретной действительности. Потому понятие может быть дано изолированно, хотя может быть выведено и как элемент системы понятий. Категории раскрываются всегда в системе категорий. И даже если проводится изучение одной категории, без выявления ее места в системе определить содержание категории не удастся. В связи с этим вполне закономерным представляется вывод Ю. Харина о том, что "необходимым условием дальнейшей плодотворной разработки проблемы отрицания в материальной диалектике является восхождение теоретического анализа от категории отрицания к закону отрицания отрицания" [Диалектика... 1983, с. 148]. Требуется, однако, добавить, что закон движения категории отрицания в категориальной системе диалектического материализма заложен в самой этой категории (если мы раскрываем "отрицание" именно как категорию) и восхождение к закону отрицания отрицания есть исследование естественного процесса развития данной категории и перерастания закона существования отрицания в закон отрицания отрицания.

Следует обратить внимание на то, что один и тот же термин ("материя", "время", "право", "государство" и т.д.) может выступать и в роли понятия, и в роли категории (хотя не все то, что может быть определено понятием, способно служить в качестве категории). Это обстоятельство и порождает терминологическую путаницу, когда отдельные понятия рассматриваются как категории. Понятие может превращаться в категорию, причем в этом случае существенно меняются его функции как инструмента познания, а также роль и место среди других инструментов познания. В то же время необходимо помнить, что в основе каждого понятия находится группа взаимосвязанных категорий, а содержательная интерпретация понятия означает выявление его категориальной структуры. Нельзя не согласиться с В. Кайдаловым, когда он подчеркивает, что "данная категориальная структура (каркас) должна обладать свойством оп-

тимальности, т.е. наиболее полно и точно определять смысл интерпретируемого понятия, его адекватность отображаемой действительности, соответствующей ему предметной области" [Самоорганизация... 1994, с. 8]. Таким образом, взаимоотношения между категорией и понятием носят диалектический характер.

Необходимо несколько слов сказать о соотношении понятий "правовой институт" и "категория", тем более что некоторые из них могут обозначаться одними и теми же терминами, что, естественно, создает путаницу. Категории отраслевых правовых наук служат орудием познания институтов отраслей права. Как представляется, действительность орудия познания можно по достоинству оценить только в ходе его применения в процессе познавательной деятельности. Правовой институт, представляя группу юридических норм, регулирующих определенный вид однородных общественных отношений, неразрывно связан с правом конкретной страны, в то время как одна и та же категория не только может, но и должна быть применима для изучения аналогичных институтов разных стран, поскольку правовые институты – это те явления бытия, закономерности существования и развития которых находят отражение в правовых категориях. Поэтому для данной статьи так важно использование сравнительно-правового материала. Например, институт парламентаризма, который, естественно, различен в России, Франции, Индии, Германии, Японии, Великобритании и т.д., с успехом исследуется при помощи универсальной (в силу универсальности самой науки) категории "парламентаризм", встроенной в систему других категорий конституционного (государственного) права.

Наиболее адекватным представляется следующее определение категории: *совокупность мыслей, отражающих в обобщенном виде некоторый способ существования в постоянном взаимодействии и развитии явлений бытия, что дает возможность познания движения таких явлений.*

Системность

Категории, как уже отмечалось, должны рассматриваться как составные части некоей системы категорий. Это – объективная закономерность существования категорий, в связи с чем необходимо подробнее остановиться на самих системах. Довольно широкая распространенность термина "система" в лексике различных отраслей науки и прикладных дисциплин, а также в повседневном языке, требует внесения ясности в его употребление.

Анализом проблем системности бытия, как, впрочем, и исследованием самого понятия "система", мыслители занялись намного позже, чем изучением свойств категорий. Правда, сам термин "система" известен довольно давно. Слово "systema" в переводе с греческого означает "составление". Однако первоначально в течение длительного времени внимание исследователей было приковано к иным проблемам, изучение которых привело к осознанию системности. Одна из важнейших среди этих "предсистемных" проблем – соотношение части и целого. Она присутствует в работах философов разных времен и народов.

Понятие системы в течение длительного времени использовалось для обозначения упорядоченного знания. Лишь в XX в. с появлением исследований, ориентированных на рассмотрение окружающих явлений и всего мира в целом в качестве систем, теоретическая разработка проблематики систем поднялась на качественно новую ступень. В немалой степени этот теоретико-познавательный прорыв, имевший также и огромное практико-прикладное значение, был подготовлен достижениями естественных и социальных наук, развитием философского осмысления проблем целостности и взаимодействия целого и части.

Особенно интенсивно теоретическая проработка системных исследований осуществлялась в 30–40-е гг. XX в. Это нашло выражение в общей теории систем Л. фон Берталанфи, в кибернетике Н. Винера, а также в работах их предшественников и последователей, занимавшихся теорией управления и теорией информации, в выра-

ботке многочисленных практически ориентированных системных подходов, таких как исследование операций, системный анализ и системотехника, в разработках математиков и специалистов по математической логике.

Во второй половине XX в. системное мышление довольно быстро проникло в различные области человеческого знания. Следствием этого стала попытка придать системному подходу общеполитическое значение. Развернулась дискуссия о том, преодолевает ли системный подход диалектический метод в философии или нет. В результате появилось огромное количество определений системы. В задачи настоящей статьи не входит их анализ, поэтому я остановлюсь на рабочем определении системы, необходимом для изучения системности категорий. *Система – это совокупность взаимосвязанных элементов, образующая определенную целостность, которая обладает собственными свойствами, не сводимыми к сумме свойств ее элементов.* Система (то есть внутренне организованное единство некоторых элементов) представляет собой некое новое качество по сравнению с несистемным набором тех же самых элементов. Это отмечал уже А. Богданов: "...организованное целое оказалось на самом деле практически больше простой суммы частей, но не потому, что в нем создавались из ничего новые активности, а потому, что его наличные активности соединяются более успешно, чем противостоящие им сопротивления" [Богданов, 1989, с. 117].

В настоящее время выделение системных принципов, отражающих свойства систем, стало чуть ли не общим местом работ, посвященных изучению систем. Среди системных принципов обычно выделяют следующие: структурность (то, что система состоит из определенных элементов); рассмотрение структурных элементов в качестве самостоятельных систем (подсистем); целостность (уже упомянутая несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов); взаимозависимость системы и среды; множественность описания (в силу сложности системы можно строить множество моделей, каждая из которых описывает лишь отдельный аспект системы) [Садовский, 1976, с. 464]. При анализе системы категорий государственного управления или права необходимо опираться на указанные принципы.

В любой системе условно можно выделить статический и динамический аспекты. Традиционно структура рассматривается в качестве статической характеристики системы, хотя в литературе встречаются попытки рассматривать структуру как постоянно изменяющееся явление (это, главным образом, характерно для работ структуралистов). Однако даже при эволюционном подходе к структуре (а такой подход правилен, поскольку структура, как и любое другое явление, подвержена изменениям), можно зафиксировать некую структуру лишь в определенный момент. Ведь изменение структуры неизбежно означает и изменение самой системы. Другими словами, при таком изменении следует говорить об иной структуре иной системы.

Иначе обстоит дело с организацией, характеризующей динамический аспект системы. Хотя и организация, и структура относятся к описанию внутреннего строения системы, структура фиксирует некий порядок расположения элементов и их иерархию, а организация определяет единство, упорядоченность взаимодействий всех элементов, что и обеспечивает целостность системы. Но взаимодействие всегда представляет собой некий процесс, поэтому если его и можно рассматривать по стадиям, то невозможно и бессмысленно пытаться найти в нем статичные моменты.

Таким образом, анализ любой системы, в том числе и системы категорий, не может заключаться в составлении какой-то одной застывшей модели. Как отмечает Э. Винограй, "системность категориального аппарата означает прежде всего его функциональность. Необходимо избежать превращения его в упорядоченную тем или иным способом, но функционально неподвижную конструкцию. *Система категорий должна быть одновременно методологическим алгоритмом познания и действия...*" [Винограй, 1993, с. 27]. Это замечание представляется весьма важным и полезным, хотя, на мой взгляд, автор несколько "переживает", делая упор на значение функциональ-

ности системы категорий и ставя тем самым внутреннее строение такой системы как бы на второй план.

В основе понимания природы системных явлений лежит исследование интегральных системных качеств, характеризующих сущность целостных образований. Как убедительно показывает Винограй, весьма обширный массив общих интегральных свойств систем может быть систематизирован определенным образом, что позволяет выделить ряд фундаментальных качеств, к которым так или иначе сводятся все остальные. Такими фундаментальными качествами являются: организованность, целостность, сложность, функциональная анизотропность, инерционность [Винограй, 1993, с. 135].

Организованность определяет сосредоточение действий системы благодаря концентрации ресурсов и фокусированию свойств, достигаемым на основе функциональной дополнительной элементов данной системы, что позволяет разрешать актуальные противоречия системы. Винограй предлагает оценивать организованность по таким критериям, как экономность, результативность и надежность [Винограй, 1989].

Целостность можно определить как способность системы сохранять свою качественную специфичность в изменяющихся условиях среды. Как уже отмечалось, разработка проблематики целостности исторически во многом способствовала появлению системного подхода. Целостность – многоаспектное явление. Одна из важнейших ее составляющих – интегрированность, которая обеспечивает сплоченность частей в целое, причем в результате такой сплоченности свойства частей модифицируются и проявляются как качественно иные, характерные для наличной целостности и отличные от свойств отдельных элементов. Интегрированность проявляется также в функциональной ориентированности взаимодействий элементов системы на сохранение и развитие целостности путем снятия актуальных противоречий системы. Целостность находит выражение и в активности, то есть способности системы к самодвижению.

К важнейшим компонентам целостности относится наряду с упомянутыми устойчивостью, то есть способность системы противостоять разрушающим воздействиям. А. Богданов связывал устойчивость с законом относительных сопротивлений, согласно которому *"устойчивость целого зависит от наименьших относительных сопротивлений всех его частей во всякий момент"* [Богданов, 1989, с. 217].

Один из аспектов целостности – связность. По справедливому замечанию М. Сетрова, *"именно существенность и большая сила связей данных частей друг с другом, чем с другими объектами, и создает целостность"* [Сетров, 1972, с. 16]. Связность дополняется иерархичностью, которая предполагает соподчиненность уровней системы, ее элементов по вертикали.

Кроме того, важно отметить коррелятивность – закономерную взаимозависимость характеристик целостной системы (и это отличает ее от иерархичности), показывающую горизонтальные взаимодействия внутри структуры, дающую представление о координации, а не о субординации элементов.

Целостность проявляется в цикличности динамических процессов, протекающих в системе. Необходимо также помнить, что без функциональной завершенности конструкции сложной системы ее целостность невозможна.

Существенным признаком целостности являются наличие у системы некоей внешней границы (отделяющей ее от среды), а также ее фрактальность, то есть запечатленность в элементах системы свойств, присущих данной системе как целостности, составляющих ее качественную специфику [Сороко, 1984].

Сложность системы проявляется прежде всего в разнообразии, иначе говоря, количественное и качественное различие элементов системы (связей, процессов и т.д.). У. Эшби, например, полагал, что концепция разнообразия играет ведущую роль в построении теоретической кибернетики [Эшби, 1959]. Другая грань сложности – противоречивость. Возникающие и преодолеваемые противоречия – одновременно и следствие, и источник развития системы, в результате чего обеспечивается динамическое равновесие системных центров силы и напряжений.

Противоречивость и разнообразие тесно связаны с такими элементами сложности, как лабильность (изменчивость характеристик системы), альтернативность (множественность вариантов тенденций функционирования и эволюции систем), стохастичность (вероятностный характер состояний и процессов в системах).

Функциональная анизотропность представляет собой неоднородность и неравнозначность функциональных возможностей для системных преобразований и действий в различных направлениях. Она характеризуется функциональной неравноценностью элементов и связей системы, организационной разносопротивляемостью и разночувствительностью к воздействиям, асимметричностью потенциальных возможностей осуществления функциональных и дисфункциональных изменений [Винограй, 1993].

Инерционность заключается в способности системы сохранять свое состояние и оказывать определенное сопротивление факторам, ведущим к изменению. Инерционность проявляется, во-первых, в том, что при любых воздействиях для перехода системы из одного состояния в другое требуется некоторое время, то есть происходит запаздывание реакции на воздействие. Во-вторых, инерционность находит свое выражение в появлении снижающих эффективность функционирования системы помех в результате организационных возмущений в системе во время переходного от одного состояния к другому как результат воздействия определенных сил и сопротивления им. У любой системы имеются зависящие от уровня ее инерционности объективные пороги величин управляющих воздействий, превышение которых влечет потерю ее качества, то есть ее разрушение возникающими при этом инерционными силами.

Исследование систем породило интерес к проблемам самоорганизации в ходе развития открытых сложных систем под воздействием внутренних и внешних факторов, что предполагало в том числе изучение диалектики необходимого и случайного и анализ свойств неравновесности и необратимости в эволюционных процессах. Такие исследования вылились в развитие синергетики, открывающей широкие возможности в сфере изучения сложных открытых систем.

Все вышесказанное надо учитывать при анализе систем категорий, в том числе и государствоведческих.

Категории конституционного права

Представление о конституционном праве как об отрасли права окончательно сформировалось в XIX в., однако и в более ранние периоды, когда современники не ставили вопрос об отрасли права, можно было увидеть качественную специфичность некоей правовой целостности, в которой узнается конституционное (или государственное) право. И обнаружить такую правовую целостность можно также по характеру регулируемых правом общественных отношений. Ничего удивительного здесь нет, поскольку возникновение явления и его осознание чаще всего не происходят одновременно. Объективное существование явления – лишь предпосылка для его познания, но познается явление только при возникновении подходящих для этого условий.

Именно характер общественных отношений, регулируемых конституционным правом, позволяет выделить качественную специфичность конституционного права и как отрасли права, и как науки, и как учебной дисциплины. Все сравнительные исследования в конституционно-правовой сфере в современном мире возможны лишь благодаря тому, что конституционное право, несмотря на большое разнообразие индивидуальных отличий в разных странах, повсеместно обладает присущей только ему, то есть конституционному праву, качественной специфичностью. Эта же специфичность позволяет изучать его в ретроспективе. Характер регулируемых общественных отношений определяет содержание понятия конституционного права в качестве некоего инварианта, придающего устойчивость системе категорий конституционного права и сохраняющего качественную специфику этой системы в условиях ее постоянной эволюции.

В устойчивости (или в способности противостоять разрушающим воздействиям) системы категорий конституционного права и в то же время в сохранении активности системы, то есть ее способности к самодвижению, проявляется одно из фундаментальных системных качеств – целостность, понимаемая как способность системы сохранять свою качественную специфичность в изменяющихся условиях среды. Кстати, именно определение содержания конституционного права позволяет выявить внешнюю границу системы его категорий. Эта граница не является непроницаемой. Она обеспечивает избирательность контактов системы категорий конституционного права со средой, давая возможность системе и среде обмениваться информацией, но при этом не допуская смещения системы со средой, в результате чего сохраняется ее качественная индивидуальность. Наличие такой внешней границы также служит признаком целостности системы категорий конституционного права.

Отношения, регулируемые конституционным правом, – по своей сущности политические, то есть прямо или косвенно связанные с осуществлением власти в государственно организованном обществе. То, что отношения, возникающие в ходе формирования, функционирования и взаимодействия органов государственной власти, носят политический характер, сомнений у ученых обычно не вызывает. Правда, в последнее время (в основном в публицистике и средствах массовой информации) зачастую пытаются противопоставить как негативную политическую деятельность органов государственной власти деятельности по принятию "нужных обществу" законов, по управлению государственными делами и пр., что якобы не носит и не может носить политического характера и потому заслуживает одобрения и поддержки со стороны "здоровых сил общества". Однако здесь явная логическая неувязка, поскольку политика – деятельность, прямо или косвенно связанная с осуществлением власти. Получается в данном случае, что может существовать неполитическая политика и безвластная власть.

Но если политический характер отношений, возникающих в ходе формирования, деятельности и взаимодействия органов государственной власти, достаточно ясен, то в сфере прав человека, регулируемых в том числе и конституционным правом, он не столь очевиден. Прежде всего обратим внимание на то, что права человека регулирует не только конституционное право. Любая отрасль права регулирует права и обязанности человека в соответствующей этой отрасли права сфере общественных отношений. Что же характерно именно для конституционного права в области регулирования прав человека? Во-первых, конституционное право довольно подробно регулирует политические права человека (право граждан на участие в управлении государством, субъективные избирательные права, право на объединение, свободу митингов, шествий и манифестаций и т.п.). Политический характер данных прав человека не должен вызывать возражений, при этом замечу, что термин "политические права" приобрел международное признание, будучи закрепленным в международных актах, и используется во внутреннем государственном законодательстве многих стран. Во-вторых, в рамках конституционного права (в первую очередь в самой конституции) закрепляются принципиальные основы правового статуса человека и провозглашаются в наиболее общем виде фундаментальные права, свободы человека, их юридические гарантии, а также обязанности человека. Все другие отрасли права (кроме международного) регулируют соответствующие права и обязанности человека, опираясь на указанные принципиальные основы и развивая регламентацию провозглашенных в конституции прав и свобод человека.

Однако первоначальное закрепление и принципов правового положения личности, и набора основных прав, свобод и обязанностей человека (в том числе и таких, которые не имеют ничего общего с политикой) в конституционно-правовом законодательстве во многом зависит от политического выбора, сделанного на государственном уровне. Например, регулирование прав человека в сфере имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений (в гражданском праве) существенно различается в зависимости от того, признано ли на конституционном уровне право част-

ной собственности или на этом уровне зафиксирован приоритет государственной собственности. Закрепление в качестве основополагающего конституционного принципа равноправия мужчины и женщины (а это также результат определенного политического выбора, достигнутого в ходе длительной политической борьбы) влияет на содержание законодательства в самых разных отраслях права, причем установление такого принципа влечет за собой серьезную переработку всего законодательства (административного, гражданского, семейного, трудового, уголовно-процессуального, гражданско-процессуального и т.д.). Введение в конституционное законодательство положений о неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища, тайне переписки, телеграфных и иных сообщений и телефонных переговоров и т.п. (а это тоже следствие действий определенных политических сил) существенным образом сказывается на содержании уголовно-процессуальных актов. Во многих странах на конституционный уровень поднимают некоторые важнейшие права человека, осуществляемые в ходе судебного разбирательства, что находит отражение и развитие в уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном законодательстве.

Конституционное право регулирует права и обязанности человека постольку, поскольку они включены в политические отношения, прямо или косвенно связанные с осуществлением власти в государственно организованном обществе. Таким образом, конституционное право регулирует политические права и свободы человека, закрепляет принципиальные основы его правового статуса и провозглашает в наиболее общем виде фундаментальные права, свободы, их юридические гарантии, а также обязанности человека. В этом и состоит специфика регулирования прав человека конституционным правом, что отличает его от регулирования прав человека другими отраслями права.

Широкие возможности для изучения свойств системы категорий конституционного права и основных тенденций ее эволюции открывает синергетика как междисциплинарное направление исследований механизмов самопроизвольного возникновения и разрушения структур, перехода от хаоса к порядку и обратно, присущих любым системам в процессе развития. Именно синергетический подход позволяет раскрыть диалектику взаимодействия системы категорий конституционного права со средой, осознать роль необходимости и случайности в ходе ее эволюции. Цикличность протекающих в системе категорий конституционного права динамических процессов (в чем, кстати, находит проявление системное качество целостности) связана как с периодическим накоплением в отрасли конституционного права противоречий, для снятия которых необходимо концептуальное их переосмысление, так и с теоретическими конституционно-правовыми разработками, позволяющими науке время от времени подниматься на качественно новую ступень. Такие переходы от одного качественного состояния к другому (именуемые точками бифуркации) сопровождаются обычно нарастанием негэнтропии (усилением хаоса и увеличением возможностей изменяться по разным параметрам), выражающимся в увеличении количества флуктуаций, то есть спонтанных отклонений от превалирующей до этого тенденции. В большой открытой системе, какой является система категорий конституционного права, флуктуации возможны в любое время, но по мере приближения к точкам бифуркации и в сами периоды перехода к новому состоянию число флуктуаций заметно возрастает.

Флуктуации в системе категорий конституционного права проявляются в виде различного рода научных разработок, в которых либо вводятся новые теории, идеи, категории, новая аргументация уже имеющихся взглядов, либо, наоборот, опровергаются существующие концепции, предлагается отказаться от имеющихся категорий, заменив их новыми, или заменить понимание действующих категорий. Вовсе не все флуктуации в системе категорий конституционного права приводят к переходу на новый уровень развития науки; многие из них оказываются тупиковыми направлениями. Лишь те флуктуации, которые в наибольшей степени отвечают актуальным потребностям системы категорий конституционного права, действительно лягут в основу нового этапа развития системы. Однако способность к флуктуациям дает системе

категорий конституционного права возможность развиваться и опробовать различные пути такого развития, адекватно и гибко реагируя на внутренние потребности системы и на воздействия окружающей среды. Возникающие и преодолеваемые противоречия – одновременно следствие и источник развития системы категорий конституционного права. Противоречивость, как уже отмечалось, – одно из проявлений сложности как системного качества наряду с разнообразием, лабильностью (изменчивостью характеристик системы категорий конституционного права), альтернативностью (множественностью вариантов тенденций функционирования и эволюции системы), стохастичностью (вероятностным характером состояний и процессов в системе).

Вместе с тем цикличность динамических процессов и состояний системы категорий конституционного права не приводит к их повторяемости. Циклы эволюции системы, в ходе которых происходит борьба энтропии и негэнтропии, сопровождаются ростом информации и протекают каждый раз на новом качественном уровне. Состояния системы необратимы. Это связано с таким фундаментальным качеством любой системы, как функциональная анизотропность, которая характеризуется функциональной неравноценностью элементов и связей системы, организационной разносопротивляемостью и разночувствительностью к воздействиям, асимметричностью потенциальных возможностей осуществления и дисфункциональных изменений. На практике это означает, что при всей значимости для системы категорий конституционного права предшествующей эволюции и необходимости изучения накопленного опыта в конце XX в. (так же, как и в более поздние времена) невозможно при всем желании вернуться к состоянию ни начала 80-х гг., ни 20-х гг., ни 10-х гг. XX в., а тем более к еще более ранним состояниям.

Не всякое воздействие способно тут же вызвать изменения в системе категорий конституционного права, обладающей инерционностью (также одно из интегральных системных качеств), вследствие чего она оказывает определенное сопротивление воздействиям, влекущим за собой изменения, и способна на определенных этапах сохранять свое состояние, что важно для поддержания стабильности науки. В то же время инерционность приводит к определенному запаздыванию реакции системы категорий конституционного права на воздействие, способное спровоцировать переход в другое состояние. При таком переходе в ней возникают организационные возмущения в результате противоборства воздействующих на нее факторов и сопротивления им. Все это также способствует в определенной степени снижению энтропии и, соответственно, увеличению числа флуктуаций, причем возникают помехи, снижающие эффективность функционирования системы категорий конституционного права. А экономность, результативность и надежность системы категорий конституционного права достигается благодаря фундаментальному качеству организованности.

Системный подход к категориям отнюдь не снижает важности изучения отдельных категорий, а, наоборот, предполагает более подробное их исследование. Категориям, как это уже было показано, присуще свойство системности, но вместе с тем каждая из них выступает как самостоятельный инструмент познания конституционного права. Но и выступая самостоятельно, категория несет в себе свойства той системы, к которой она принадлежит.

К примеру, в конституционном праве требует специальной проработки категория представительства. Данная категория достаточно хорошо разработана в гражданском, гражданско-процессуальном и уголовно-процессуальном праве. Однако она имеет свои особенности в каждой из отраслевых систем категорий. Обладает спецификой категория представительства и в конституционном праве. При этом проблемы представительства в конституционно-правовом смысле приобретают в последнее время в России все более практическое звучание. Именно со ссылками на нарушение принципов представительности, было сделано несколько попыток оспорить конституционность закрепленного в федеральном избирательном законодательстве 1993 и 1995 гг. пятипроцентного барьера голосов, полученных по общефедеральному многомандатному избирательному округу, для допуска участвовавшего в выборах объединения

или блока к распределению мандатов в Государственной думе. И хотя Конституционный суд РФ не поддержал тезиса о нарушении принципов представительности в результате введения указанного барьера, осталось много вопросов по поводу того, как же надо понимать представительство в конституционном праве. Сходные возражения против существования пятипроцентного барьера выдвигаются время от времени, например, и в ФРГ.

Центральным вопросом дискуссий вокруг способов формирования Совета Федерации также является проблема представительности. Эти дискуссии активно велись в период подготовки законопроектов о формировании данной палаты Федерального собрания. После принятия в 1995 г. соответствующего федерального закона споры несколько приутихли, но не прекратились полностью; и были даже попытки добиться признания упомянутого федерального закона не соответствующим российской Конституции. Снова эти споры разгорелись в ходе доработки и принятия нового федерального закона в 2000 г., вводящего новый способ формирования Совета Федерации. Продолжаются они и сегодня.

Несмотря на практическую значимость и актуальность разработки вопросов представительства в конституционном праве, фундаментальных трудов по данной проблематике в России пока не появилось. Лишь разобравшись как следует в категории представительства в конституционном праве, мы сможем получить инструмент познания институциональных особенностей представительства в конкретно-исторических условиях современной России. А между тем представительные формы демократии играют в настоящее время огромную роль во всем мире при реализации народовластия. Я привел только несколько примеров важности категориальных исследований. Вместе с тем это также и примеры того, что работы для ученых в данной сфере – непочатый край. Представляется, что исследование категорий конституционного права в их системе с позиций синергетики может стать важным и весьма продуктивным направлением юридической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
Богданов А.А. Текстология. Всеобщая организационная наука. Т. 1. М., 1989.
Винограй Э.Г. Общая теория организации и системно-организационный подход. Томск, 1989.
Винограй Э.Г. Основы общей теории систем. Новосибирск, 1993.
Диалектика отрицания отрицания. М., 1983.
Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971.
Садовский В.Н. Система // Большая советская энциклопедия. Т. 23. М., 1976.
Самоорганизация в природе и обществе. СПб., 1994.
Сетров М.И. Основы функциональной теории организации. Л., 1972.
Сороко Э.М. Структурная гармония системы. Минск, 1984.
Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959.
Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.